

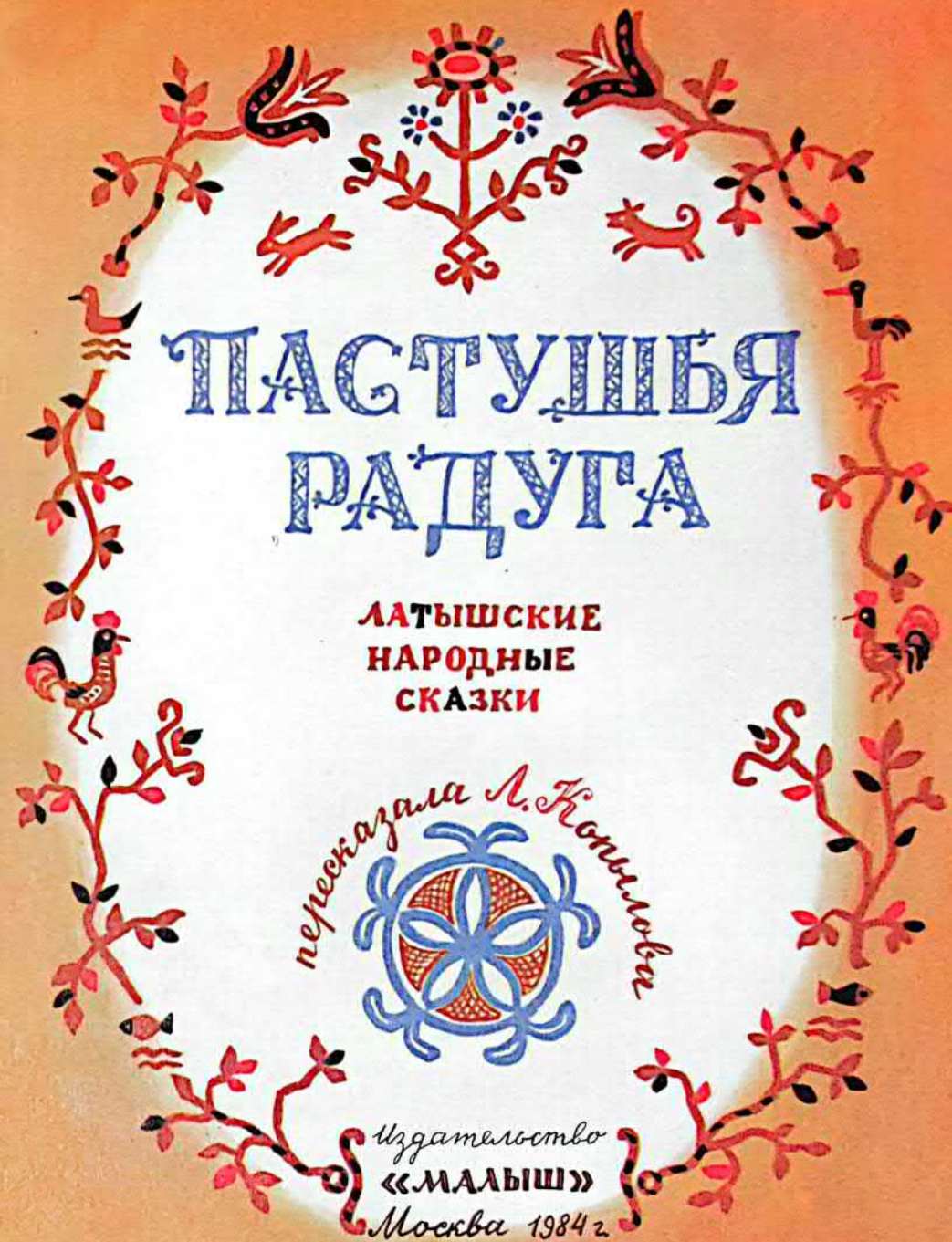

ПАСТУШЬЯ РАДУГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»

МОСКВА 1984

ПАСТУШЬЯ РАДУГА

ЛАТЫШСКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

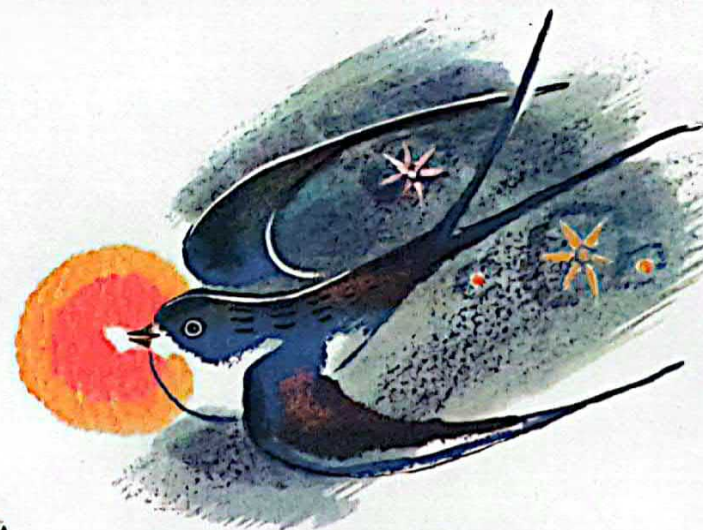
пересказала Л. Комолова

Издательство
«МАЛЫШ»
Москва 1984 г.

КАК ЛАСТОЧКА ЗА ОГНЁМ ЛЕТАЛА

аньше на земле темно было. Решили птицы послать к звезде за огнём скорую ласточку, ловкую летунью.

Быстро слетала ласточка, добыла огня. Но решила сначала себе в гнездо огоньку занести. Метнулась к гнезду, а воробей — за нею. Догнать не догнал, но за хвост ухватил — горсть перьев выдрал. А ласточка с разгону в гнездо влетела и себе грудь огнём опалила.

С тех пор так и живёт на свете с выщербленным хвостом и опалённой грудкой.

А воробей, как встретит ласточку, зачистит: «Не-че! Не-че!» Хочет сказать ей: «Нечестно! Нечестно!» Да от волнения сбивается. А ласточка мелькает над ним взад-вперёд и лопочет:

Что за слово?
Нет такого!
Что за слово?
Нет такого!

ОТЧЕГО
ОСИНА
ДРОЖИТ

днажды в жару захотелось зверям и птицам пить. А напиться-то и негде. Нет воды в окрестных лесах и полях.

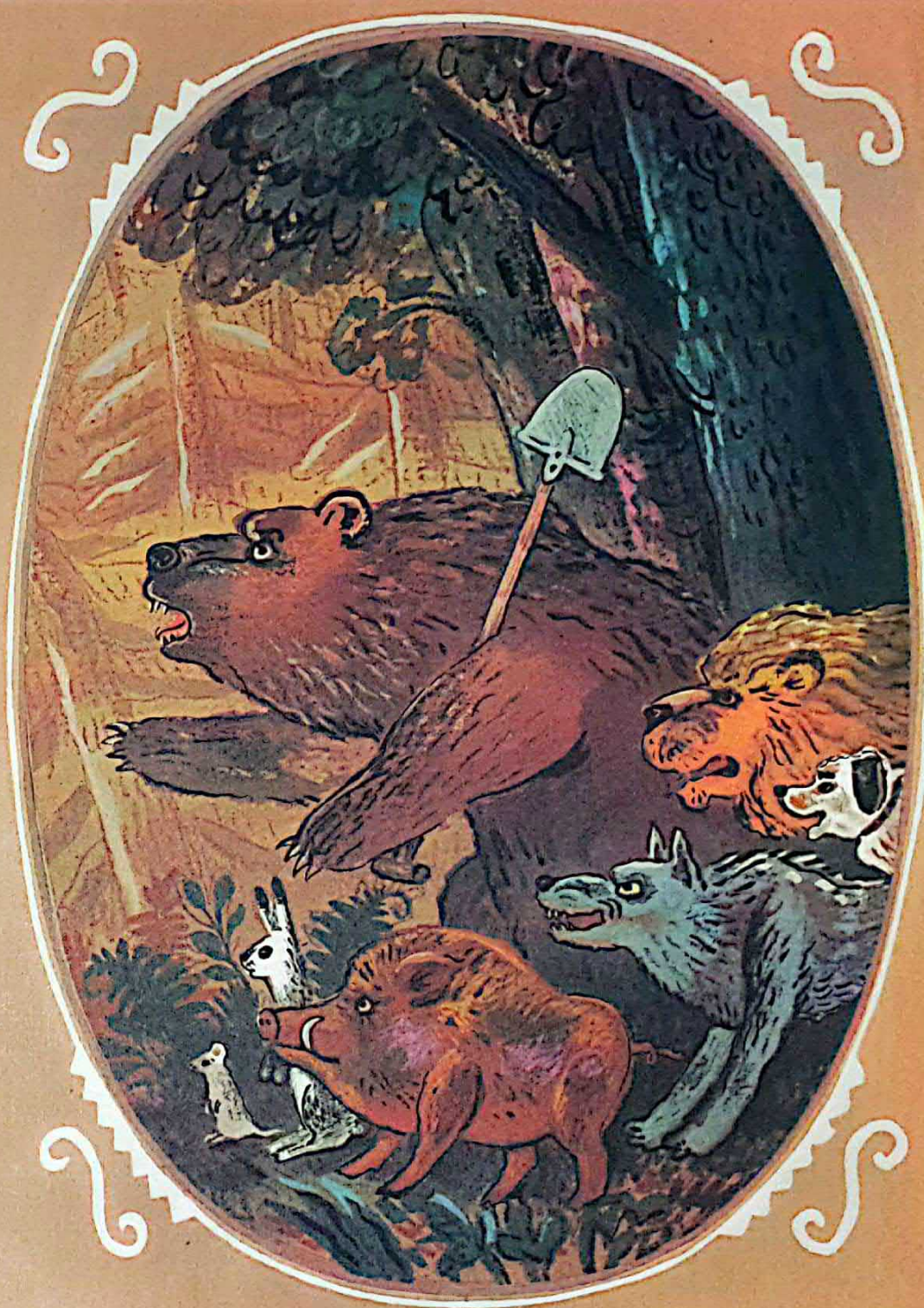
Вот и решили звери да птицы рыть реку. Не век же без воды жить!

Заяц, по кустам скиталец, впереди всех скакал, петлял да петлял — где реке течь, намечал. И пёс за лопухим вдогонку — колышки втыкал, где быть берегам. Оттого и река у них вышла такая извилистая. Прямо не течёт, а петляет, точь-в-точь как заяц. Но это уже было потом.

А покамест кабан по пёсым колышкам, по ивовым вешкам, речное русло рыл, землю рылом поддевал, волку вверх подавал. Медведь Топтыгин наверху топтался и топтался, берега утаптывал. А лев за работой приглядывал. Все работали не зевали, то и знай пот утирали.

Только иволга отлынивала, на осине посиживала да пела:

Для чего мне река?
Напьюсь и росы с листка.

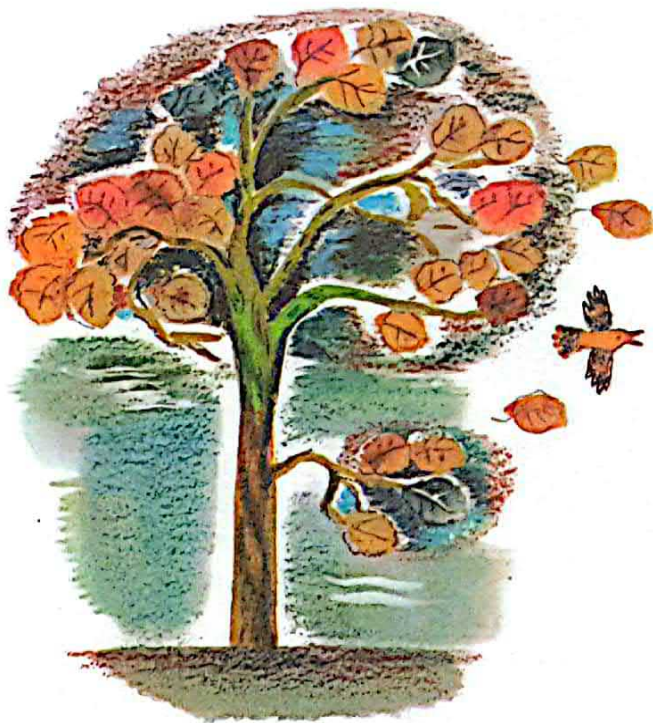

Осерчали звери да птицы на иволгу: от работы отлынивает, на осине посиживает, над работниками подтрунивает. И велели они тогда осине, чтоб она дрожала день и ночь без передышки, росы на листьях не держала. А не послушается — вырвут её из земли. И малого корешка не оставят. Испугалась осина и стала дрожать.

Так и до сих пор дрожит день и ночь без передышки. Вся роса с листьев наземь скатывается.

А иволге пить хочется. И кличет иволга и кличет, дождь зовёт:

Приходи, дождик-дождь!
Почему не идёшь?
Где же ты, дождик-дождь?

КАК ВОРОБЕЙ К ТЁПЛЫМ ЗЕМЛЯМ ШЁЛ

ахотелось воробью тёплые земли повидать. «Может, — думает, — не зря птицы спешат туда с холодами? Дай-ка сам погляжу!» Ну и пошёл. Шёл, шёл до сумерек. А в сумерках взбрело воробью в голову:

«Дай-ка взгляну, далеко ли от дома ушёл».

Так и вернулся восвояси.

И на другой день так же. И на третий: шёл, шёл, до сумерек. А в сумерках взбрело воробью в голову:

«Дай-ка взгляну, далеко ли от дома ушёл».

Так воробей и не видал тёплых земель: зябнуть зябнет, а всё у себя дома зимует.

ПОЧЕМУ КОТ
УМЫВАЕТСЯ
ПОСЛЕ
ЗАВТРАКА

днажды утром залетел воробей на ячменное поле и стал клевать зерно. А там поблизости охотился кот — пустой живот.

Тихо-тихо, на мягких лапах, подкрался кот к воробью и — цап! — схватил его. Несёт домой и радуется — славный завтрак будет! А воробей ему:

— Ты бы, невежа, сначала умылся, а потом завтракать садился!

Устыдился кот. Положил воробья на землю. А сам старается, лапой трёт себе рот, умывается. Воробьишка — быстрый умишко только этого и ждал. Порх! — и взвился над полем, над ячменём.

Ух, как тут кот рассердился! Рассердился, распушился:

— Ну теперь буду сначала с завтраком управляться, а потом — умываться.

И до сих пор так делает.

КАК
ДИКИЕ ГУСИ
КРЕСТЬЯНИНА
УНЕСЛИ

осадила крестьянин горох у озера. Поводились дикие гуси сладкий горох на утренней зорьке клевать.

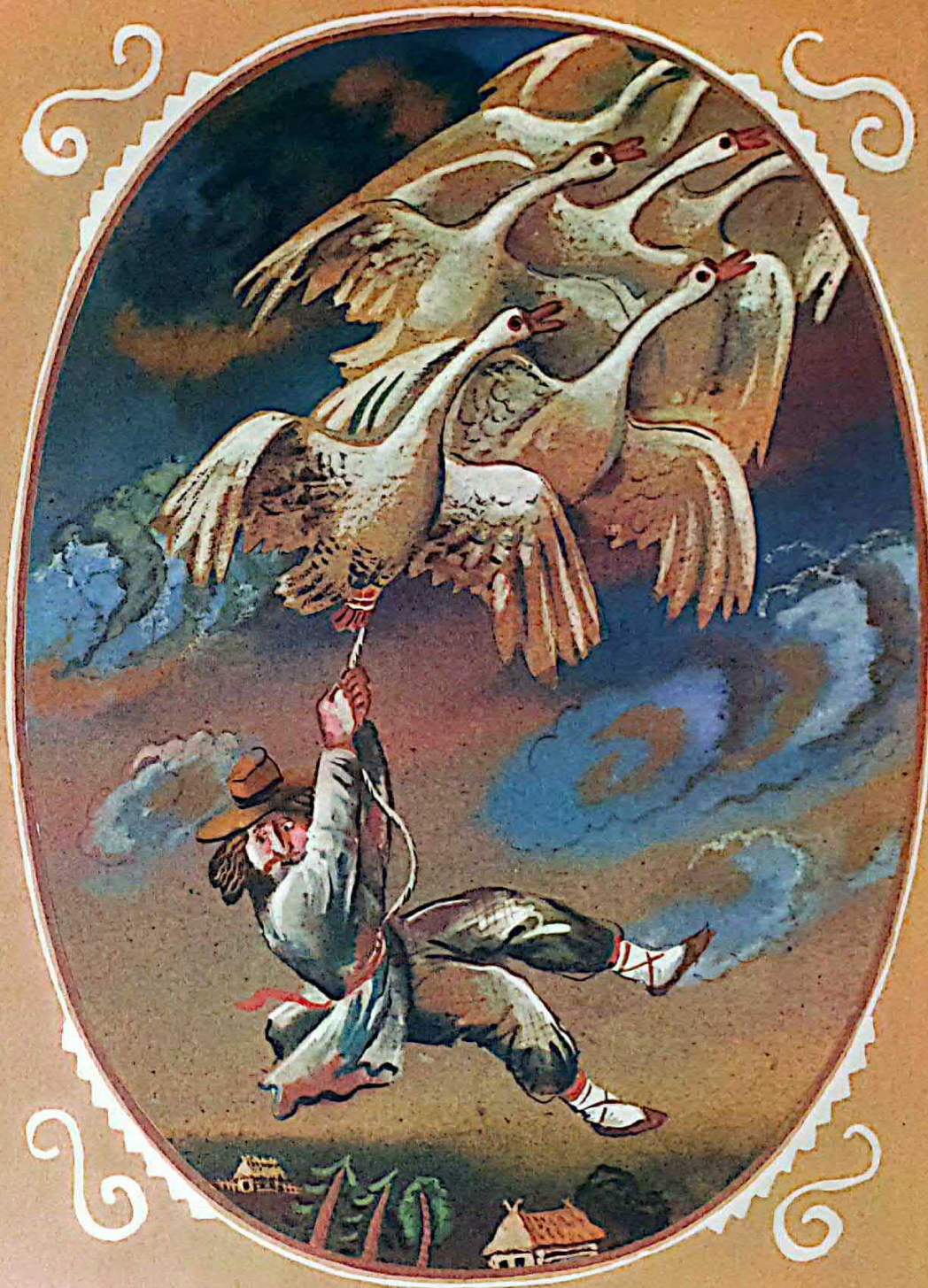
Как горю помочь?

Думал, думал хозяин. И так плохо, и эдак нехорошо! Из ружья палить — одного гуся убьёшь, а других вспугнёшь. Палкою колотить — можно гуся упустить.

«Смешаю-ка я в горшке мёд с вином и поставлю на бережке», — надумал хозяин.

Сказано — сделано. Только взошло над озером солнце, как стая диких гусей прилетела, крыльями прошелестела. Поклевали они гороху, взялись за угощение. Так наелись и напились, что подняться с земли не могут.

Крестьянину только этого и надо: взял он верёвку, связал гусей за лапы, а конец верёвки затянул вокруг пояса. Хотел было гусей за верёвку тащить домой, да гусак заголосил спросонок. И так громко, что остальные очнулись. Заготовали они со страху, поднялись с земли и унесли с собою крестьянина в небеса.

Вот летят они над озером. Страшно крестьянину — как бы в воду не упасть, в волнах не пропасть!

Летят над лесом. Опять страшно — как бы на суку не повиснуть!

Летят над долом. Мягкий мох-шептун внизу расстилается.

«Вот где и упасть не худо!» — обрадовался крестьянин и обрезал верёвку у пояса.

Услыхали гуси, как он грохнулся оземь, и решили, что охотник поблизости стрелять начал. Загоготали они ещё громче, крыльями ещё чаще замахали.

А крестьянин камнем упал в мох и ушёл в него по самые плечи — ни шелохнуться, ни наружу вылезти! Сидит он во мху день, сидит другой.

На третье утро прилетела сорока, покружила над ним, пострекотала. Ухватила крестьянина клювом за волосы. А с места не стронула — только клок волос вырала.

На счастье, бежал мимо волк. Крестьянин уцепился за волчий хвост и тут же из мха выскочил.

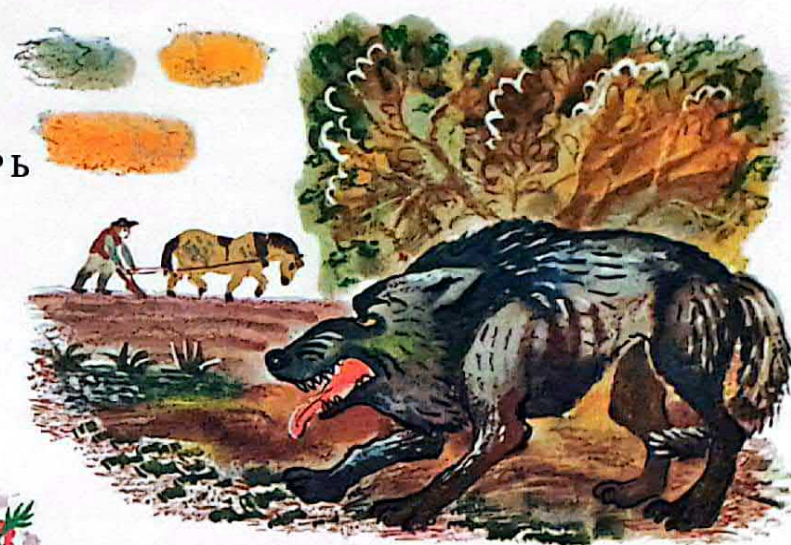
К вечеру насилу добрёл крестьянин до дому. То-то было радости жене с ребятишками.

А дикие гуси с тех пор цепочкой летают — будто верёвкой связаны, друг за другом по небу тянутся.

ВОЛК И ПАХАРЬ

ахал как-то пахарь поле. Пахал пахарь, пахал, и лошадь у него устала, останавливаться стала. Рассердился пахарь, прикрикнул на лошадь:

— У, чтоб тебя волк задрал!

А волк услышал, из кустов вышел:

— Ну, давай мне лошадь!

Удивился пахарь, а сам говорит:

— погоди, волчище! Дай хоть эту борозду до леса доведу!

Ну ладно, сел волк под кустом, дожидается. Глаз с лошади не спускает—видно, давно голодает. Кончил пахарь пахать, волк к нему—хочет лошадь задрать. А пахарь говорит:

— Кто же, дурище-волчище, конину с шерстью ест! Лучше пойдём со мной: окачу я клячу кипятком. Шерсть сойдёт—глотку тебе колоть не будет!

Волк послушался и пошёл за пахарем.

Возле дома пахарь как закричит:

— Жена, а жена! Скорей неси кипятку!
Жена принесла кипятку. Волк таращится, во все глаза смотрит, как шерсть лошажью ошпаривать надо. А пахарь плеснул кипятком, да прямо волку в глаза. Взвыл волк от боли и бежать.

На другое утро пахарь опять в поле. Вышел волк из кустов и говорит:

— Ну, теперь я тебя самого съем!

— Так и быть! — отвечает пахарь. — Дай мне только, дружище-волчище, напоследок поле с дуба оглядеть. Оттуда всё поле до краёв видно — умирать не обидно.

Ладно, волк согласился.

Залез пахарь на дуб, на самую вершину. А слезать не слезает. Ждал волк, ждал и надоело ему ждать. Стал он выть-подвывать, других волков на помощь созывать. Те услышали, сбежались к дубу. Ошпаренный волк встал под дубом, а второй ему на спину. Третий — на второго. Так все волки вскочили один на другого. А самый верхний волк вот-вот в пахаря вцепится.

А пахарь как закричит:

— Жена, а жена! Скорей неси кипятку!

Нижний, ошпаренный волк лишь услышал про кипяток, кинулся в лес наутёк. А другие волки — кубарем на землю. Кто насмерть не убился, в лес кое-как уковылял.

Так пахарь волков проучил.

КАК ДОЖДЬ ЗАГОСТИЛСЯ

а одном хуторе долго дождя не видали. Затосковал по дождю хозяин и просит его:

«Заглянул бы к нам хоть мимоходом!»

Услыхал дождь и пришёл в гости. Обрадовались хозяин с хозяйкою — выбежали за порог встречать долгожданного.

А дождь думает:

«Вот ведь как рады! Погощу-ка у них подольше!»

День льёт, другой льёт и на третий поливает, сквозь сито подсеивает.

Хозяйка хмурится:

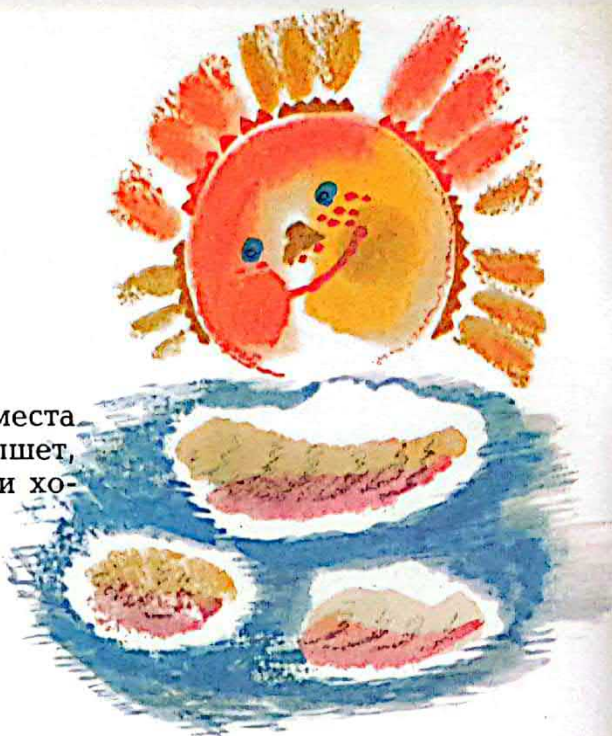
Бельё не сохнет,
Скотина мокнет,
Всё водою залито.
Шёл бы ты, дождь,
За далёкий лес
Колыхать своё сито!

А дождь хоть бы с места
стронулся — сито колыхет,
будто не слышит. Тут и хо-
зяин взмолился:

Как же сено копнить,
Огород боронить?
Всё водою залито.
Шёл бы ты, дождь,
За далёкий лес
Колыхать своё сито!

А дождь хоть бы с места стронулся — сито колыхет,
будто не слышит.

На счастье, бежал мимо ветер, дунул раз, дунул
другой — облака за далёкий лес отогнал. А за ними и
гость — дождь надоедный умчался.

ПАСТУШЬЯ РАДУГА

днажды в летний день пас пастушок
у озера овец. Отгонит стадо на све-
жую травку, сам ляжет да в небо
глядит не наглядится:

Широки полотна неба —
Дочки Солнышка их шили,
В белой пене полоскали,
На семи ветрах сушили.

Хорошо. Только слишком припекать стало. И чем
ближе к полудню, всё жарче. А озеро — вот оно, ря-
дышком.

Согнал пастушок овец в кучу, а сам к озеру —
искупаться. А как раз в то время радуга-дуга к

озеру припала, от жары изнывала. Воды напилась, разогнулась, поднялась и пастушка невзначай с собой на небо утащила.

Огляделся пастушок на небе, видит — большой луг. А за лугом — дом. А в доме — старушка.

Давно хотелось старой в баньке попариться, истомившиеся косточки прогреть. Да не по силам самой баню топить. Вот и попросила пастушка. Ладно, натопил он ей баньку, да не как-нибудь, а с толком. Не каких-нибудь дров наколот, а яблоневых: от них и дым сладкий и дух лёгкий.

Попарилась старушка, все до одной косточки прогрела. И так славно у неё на душе стало, что захотелось ей и для пастушка что-нибудь доброе сделать. Вот и дала она ему золотое яйцо:

— Повернёшь яйцо три раза — и явится к тебе гномик для приказа. Что ни захочешь, всё исполнит.

Пастушок из любопытства сразу же крутанул золотое яйцо три раза. Так и есть. Явился гномик. Ждёт приказа.

Задумался пастушок: «Чего больше всего хочется?»

Интересно, конечно, на небе: мужичок-дождевичок бродит, сито своё колышет — дождь на землю, как зерно, сеет. А после дождя радуга-дуга сияет. Хорошо. А всё же на земле лучше. Даже вон и радуга-дуга на

землю опускается, двумя концами
в неё упирается... Да и соскучил-
ся пастушок по дому.

— Больше всего хочу домой,
на землю! — сказал он гномику.
Не успел сказать, как очутился
на земле.

А там уже похолодало. Ма-
тушка Ветров все листья с де-
ревьев сдула.

Уже проснулась Мать Снегов
К положенному часу,
И от метелей круговых
Вот-вот не станет спасу.

Идёт пастушок мимо озера, где пас он овец по жару.
Кругом всё пусто и голо. Лишь сухонький снежок на-
чал падать.

И только к Матери Снегов
Полями и лесами
Бредут гуськом снеговики,
Белее снега сами.

Пришёл пастушок домой. Напился липового чаю,
отогрелся.

В гостях хорошо, а дома лучше.

РЫБИНА — БОЛЬШОЙ ЖИВОТ

днажды объявилась в море огромная
Рыбина. Плавники на спине — как
частый лес. А где хвост кончается,
и совсем не видно.

Рыбаки к берегу жмутся, выхо-
дить в открытое море боятся.

Но Рыбина и в залив заплывала. А оттуда до славного
города Риги рукой подать. Всполошились рижане —
хотели целое войско на кораблях выслать, чтоб ото-
гнать Рыбину подальше в море.

Но один старый да бывалый воин сказал:

— Лучше её не тревожить, а то махнёт хвостом,
залив взбаламутит и Ригу затопит.

На беду в это время зазевался на мели рыбак в плохонькой лодчонке. Его и вынесло волною в залив. Рыбина — хап! — и проглотила рыбака целиком со всей его лодчонкой.

Жив рыбак, но у Рыбины в животе темно. Да и есть хочется. А у рыбака в лодке сеть была. Вот закинул он сеть, наловил мелкой рыбёшки, развёл огонь, нажарил её и наелся досыта. И всё это у Рыбины в животе.

Разболелся у Рыбины живот от рыбацкой возни да стряпни — выплюнула она рыбака со всеми его снастями, а сама уплыла в море.

А Рига до сих пор стоит.

КАК КУЗНЕЦ СЧАСТЬЕ НАШЁЛ

ил в славном городе Риге кузнец. И приснилось ему однажды, будто на большом мосту, над туманной водою, счастье давным-давно его поджидает. Проснулся наутро кузнец и сразу же — на мост.

Целый день там простоял, всё счастье поджидал. Да не дождался.

И второй день тоже впустую.

А на третий встретил на мосту старого солдата.

Окликнул его солдат:

— Что ты, кузнец, тут без дела стоишь? Что в своей кузнице не стучишь?

И Расскажи солдату кузнец, как приснилось ему,

будто на большом мосту, над туманной водою, счастье давным-давно его поджидает.

А солдат ему в ответ:

— Чего только во сне не привидится! Мне вот приснилось, будто живёт в славном городе Риге кузнец. А у того кузнеца—кузница. А в той кузнице—наковальня. А на ней—счастье.

— Да не про меня ли это?—воскликнул кузнец.— Живу в Риге? В Риге! Кузница у меня есть? Есть! А где кузница, там и наковальня.

Побежал он скорей домой.

Кузница—на месте. А в кузнице—наковальня. А на ней—подкова.

Зачесались тут у кузнеца руки—соскучился по работе!

Бьёт он молотом по наковальне, искры вылетают, а сам кузнец напевает от счастья.

Так оно иногда и бывает. Человек за счастьем далеко бежит, а оно у него в дому лежит.

СОДЕРЖАНИЕ

Как ласточка за огнём летала . . .	3
Отчего осина дрожит	4
Как воробей к тёплым землям шёл . . .	7
Почему кот умывается после завтрака . .	8
Как дикие гуси крестьянина унесли	10
Волк и пахарь	15
Как дождь загостился	17
Пастушья радуга	19
Рыбина — большой живот . . .	23
Как кузнец счастье нашёл . . .	25

Для дошкольного возраста
ПАСТУШЬЯ РАДУГА
 Латышские народные сказки
 Пересказала **А. Копылова**
 Художник **Т. Зеброва**

Редактор Н. Пестова.
 Художественный редактор Г. Крюкова.
 Технический редактор М. Матюшина.
 Корректор Н. Шадрина

ИБ № 1659

Сдано в набор 03.11.83. Подписано в печать 27.09.84. 60×90^{1/8}.
 Бум. офс. № 1. Гарнитура белтика. Печать офсет. Уса. печ. л. 3,5.
 Уса. кр.-отт. 24,0. Уч.-изд. л. 3,22. Тираж 150 000 экз. Изд. № 8013.
 Заказ № 2336. Цена 25 коп. Издательство «Малыш», 101463, Москва,
 Бутырский аял, 68. Калининский орден Трудового Красного Знамени
 полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Рос-
 тавнополиграфпрома Госкомиздата РСФСР, Калинин, проспект 50-ле-
 тия Октября, 46.

П 4803010200—025 25—84
 М102(03)—84

© Издательство «Малыш» 1984

